

ДОН НИГРО

ЖЕНСКИЕ
ИСТОРИИ

Дон Нигро

Женские истории

«Автор»

1996-2012

Нигро Д.

Женские истории / Д. Нигро — «Автор», 1996-2012

Дон Нигро «Женские истории/Women's Tales/2021». Пьеса-коллаж из пяти женских монологов. «Странные сестры/The Weird Sisters/1996». Эта Грушенька не из романа Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы». Она далеко не всегда понимает, какой мир реальный, а какой вымышенный. И чтобы поменьше путаться, читает Достоевского. «Крокодила/Crocodile/2012». Философское эссе о призрачности наших устремлений. Как часто мы гонимся за несбыточным, чтобы, достигнув цели, понять, сколь напрасными были усилия. На примере сказок Джеймса Барри о Питере Пэне. «Бобры на Уране/Beavers on Uranus/2010». Эта молодая женщина не раз и не два обжигалась в поисках счастья. Но надежда умирает последней, и она продолжает искать, хотя все отчетливее понимает, что ищет не реального человека, а некий образ, сложившийся в голове. «Колодец на краю света/The Well of the World's End /2000,2007». Девушки из сказки «Колодец на краю света» рассказывает свою историю. Да, конечно, в сказке для нее все закончилось хорошо, да только не единственный это вариант. В историях вообще и сказках в частности возможно, что угодно, но человек имеет все-таки право выбрать свой вариант. Так что не сказка получилась, а, скорее, философское такое эссе. «Лунные горы/ The Mountains Of The Moon /2011». Рассказ молодой женщины, по ходу которого выясняется, что женщина эта совсем и не живая, а находится в морге, куда ее доставили после того, как нашли неизвестно где. И даже свое имя она вспомнить не может. Пытается, но получается не очень. Как знать, а вдруг говорит еще не успевшая отлететь душа.

© Нигро Д., 1996-2012
© Автор, 1996-2012

Содержание

Странные сестры	6
Крокодила	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дон Нигро

Женские истории

Странные сестры

(Один персонаж, ГРУШЕНЬКА, молодая женщина лет 25, которая обращается к зрителям из круга света на пустой, за исключением двух деревянных стульев, сцене).

ГРУШЕНЬКА. В моем, все более отчаянном поиске правды, я читала и читала Достоевского, но решила перестать, потому что мне хочется как можно быстрее добраться до сути, до центра лабиринта, а он постоянно замедляется, чтобы поплакать или поскрежетать зубами, как горилла обнять того или другого, поколотиться головой о самовар, погоревать о Боге или чем-то, и через какое-то время все это начало действовать мне на нервы, вот я и оставила Достоевского и начала прислушиваться к тому, что происходило у меня в голове, и нашла это куда более привлекательным, да только меня замучили разламывающие головные боли, словно кто-то в моей голове пытался вылезти наружу, и я помню, что слышала о мужчине с такими же головными болями. Его врачи решили, что изнутри что-то давит на череп, поэтому просверлили дырку, засушили рукава, залезли внутрь и выграбили несколько пригоршней мозгов, в которых оказались два посторонних предмета. Один – довольно большая опухоль – это ожидалось. А вот вторым оказался человеческий эмбрион. Правда. Клянусь. Они нашли эмбрион в его голове. С волосами, кожей, ногтями. Врачи сказали, что это, должно быть, остатки неродившегося близнеца. Всю жизнь этот мужчина таскал в голове близнеца, который толкал его мозг и череп, ожидая, несомненно, со всеми возрастающим нетерпением, появления на свет божий. И я никак не сомневаюсь, что все это время это маленькое неродившееся существо, чью жизнь украл этот человек, всеми забытый, заточенный в чужой голове близнец, наверняка говорил, обращаясь к своему большому брату. Вы спросите, а что он говорил? Возможно: «ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА. ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА. ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА. КТО-НИБУДЬ, ЗАЖГИТЕ СВЕТ». Как знать, может, и что-то еще. Существо могло говорить о планах на будущее, надеждах встретить любовь, завести семью, найти работу, о природе меланхолии человеческого эмбриона. И, что достаточно любопытно, я сама, страдающая от головных болей всю жизнь, а в последнее время особенно, слышала этот другой голос в своей голове. Задавалась вопросом, а может, мои попытки читать Достоевского и Киркегарда, Ницше и Шопенгауэра, на самом деле были бесплодными попытками заглушить этот тихий голос, но она продолжала говорить. И теперь, узнав про этого несчастного мужчину, я думаю, что наконец-то нашла ответ, который так долго искала. У меня есть маленькая сестра. Она живет в моей голове. Она говорит, говорит и говорит со мной, и хочет, чтобы я умерла. «Выпусти меня отсюда, – кричит она. – Выпусти меня отсюда!» Иногда мой близнец говорит со мной на иностранных языках или на языках, которые еще не изобретены. Очень часто отпускает резкие комментарии по поводу мужчин, с которыми я встречаюсь, или предлагает различные экзотические способы, которыми мне следует их убить. Когда я стою перед зеркалом обнаженной, она высмеивает мою грудь или указывает на воображаемый жир на бедрах. Может, она помнит будущее, как я помню прошлое, поскольку вроде бы знает о событиях, которые только должны случиться, и нащептывает мне об этом, пусть я стараюсь ее не слушать. Ночами она часто кричит и стонет, заставляя мои руки ползать по моему телу. Она побуждает меня на неистовые акты совокупления с опасного вида незнакомцами в подземке. Она, несомненно, сестра-ведьма, но я ее люблю. В дождливые дни она красочно описывает мне приятные ощущения, которые можно получить, перerezая вены в ванне с горячей водой. Она – голос лжи,

которая на самом деле правда. Она – та, что не родилась. Я грущу о ней и боюсь ее. Но иногда я задаюсь вопросом, а может, у нее в мозгу тоже есть маленькая сестра? И что маленькая сестра говорит ей? И кто в голове той маленькой сестры? И сколько вообще этих маленьких сестер? И, раз такой пошел разговор, в чьем черепе я? И слышит ли она мой голос, когда смотрит в зеркало? «Выпусти меня, – кричу я. – О, пожалуйста, выпусти меня! Выпусти!» Но никто, похоже, не слышит. Я упираюсь маленькими ручками в ее череп изнутри, и кричу, и кричу, но не могу родиться. А потому в отчаянии сижу и жду, когда они вскроют мою темницу-череп, влезут внутрь огромными, затянутыми в перчатки руками и вытащат меня, окровавленную и заляпанную мозгами, на свет. И чтобы скоротать время и не думать об этом моменте, которого я с нетерпением жду и боюсь, чтобы заполнить долгие часы пребывания в этой тюрьме, я читаю Достоевского.

(Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

Крокодила

Посвящается Кейт Кени.

Один персонаж, ДЖЕННА, молодая женщина двадцати с небольшим лет.

Время – начало 1920-х гг.

Кровать в комнате дома в Огайо. Лунный свет под углом падает в окно. У кровати столик, на нем стакан, наполовину наполненный водой.

(Тикают часы. В лунном свете мы видим ДЖЕННУ, молодую женщины двадцати с небольшим лет, в простой белой ночной рубашке. Она сидит на кровати в комнате в Огайо. Босые ноги на кровати – не перекинуты через край. У кровати деревянный столик, на нем стакан, наполовину наполненный водой.

Начало 1920-х гг.)

ДЖЕННА. Наблюдения, касающиеся Крокодила, копились долгие годы, с тех пор, как мы, маленькие девочки, каждую ночь в ужасе прятались под одеяло, поскольку моя сестра убедила меня, что Крокодил капитана Крюка живет под моей кроватью, выжидая удобного момента, чтобы сожрать. Так что думала я о нем много. Важно помнить, и я говорю это в защиту Крокодила, что он не отгрыз руку капитану Крюку, в чем уверено большинство людей. Питер Пэн отрубил капитану руку и бросил Крокодилу. Но рука эта была удивительно вкусная, потому что после того происшествия Крокодил повсюду следовал за капитаном, в надежде отобедать и всем остальным. Так что в каком-то смысле Крокодил – персонаж, вызывающий сочувствие.

Я хочу сказать, это так похоже на историю жизни едва ли не любого из нас: в какой-то момент мы выползаем из пустоты унижений и печали, каковой является детство и/или отрочество и случайным образом натыкаемся на человека или попадаем в ситуацию, создающую у нас иллюзия счастья, которое мы искали. Но не успев хоть в малейшей мере насладиться им, мы моргаем и, увы, его уже нет. Вот мы и проводим остаток жизни, пытаясь воссоздать тот неуловимый момент, который мы по-настоящему и не запомнили, следя не за теми людьми по ложным причинам, проецируя на них то, чего в них никогда и не было.

Руку капитана Крюка отличал не только исключительный вкус. Ее поедание стало для Крокодила чем-то мистическим. С того самого мгновения, когда рука оказалась в пасти, вновь обрести счастье он мог единственным способом: поедая другую руку, а потом и остального капитана, вплоть до тронутой сединой полоски сальных пиратских усов.

А что произошло бы после того, как капитан Крюк целиком и без остатка исчез бы в пасти Крокодила? Тому пришлось бы до скончания веков в великой печали мотаться по миру в поисках других усатых, играющих на клавесине, саркастических пиратов, надеясь, что на вкус они будут так же хороши, как и шкипер «Веселого Роджера»? Вероятно, было что-то такое в руке капитана Крюка, что выгодно отличало ее от любой другой плоти, которую пробовал на вкус Крокодил. Поневоле задаешься вопросом, а что именно? Может, капитан Крюк окунул руку в какой-то удивительный, удостоенный высших призов на кулинарных конкурсах, соус для барбекю, аккурат перед тем, как отрубленная рука угодила в пасть Крокодила? А может, ничего особенного в руке капитана Крюка и не было. Может Крокодил, по какой-то причине, никак не связанной с капитаном Крюком, в тот день чувствовал себя невероятно счастливым и по ошибке ассоциировал собственное счастье со вкусом руки самого обычного, ничем не отличающегося от других, пирата.

Я думаю, такое случается с нами гораздо чаще, чем мы готовы это признать. Мы ассоциируем испытанное нами чувство с набором обстоятельств, в которых мы в тот момент находились, и полагаем, что есть причинно-следственные отношения между этими обстоятельствами и нашими ощущениями, хотя на самом деле такими счастливыми нас сделало что-то совсем другое. Мы забываем настоящую причину, даже если и знали ее, и заменяем казалось бы очевидной, но на самом деле ложной, тем самым съедаем руку капитана Крюка, а потом бродим, теряя годы и годы нашей жизни, в поисках этого вонючего старого пирата, ошибочно уверовав, что ключ к нашему счастью – найти и съесть остаток этого просоленного морского волка. Ностальгия убивает, поскольку обычно имеет место быть полное непонимание, а о чем, мы, собственно, ностальгируем. На этом и зиждется романтическая любовь: ностальгии по ранней стадии воображаемого счастья, которую мы не только не понимаем, но и не помним. Так что в этом смысле Крокодил – фигура трагическая, наравне с Королем Лиром и капитаном Ахавом.

Конечно, Крокодил преследует капитана Крюка, чтобы съесть недоеденное, тогда как Ахав гоняется за Белым Китом, потому что тот отгрыз часть его организма, а конкретнее, пусть, вероятно, и символически, давайте это признаем, его пенис. Но особенность навязчивой идеи заключается в том, что после того, как она возникла, причина этой навязчивости уже не имеет значения. Навязчивость сама по себе становится всем. И жажда мести, как и романтическая любовь, – это иррациональная навязчивость, связанная с реальным или воображаемым состоянием дел в прошлом. Человек сохраняет прошлое живым, вновь и вновь думая о нем. И всякий раз, уходя мыслями в прошлое, мы немного его меняем: сочетание наших эмоций и воображения улучшают его или делают хуже, и в результате то, что мы, по нашему разумению, помним, соотносится со случившимся с нами на самом деле, как колбаса со свиньей.

И я ожидаю момента, когда совершившаяся месть будет восприниматься, как грусть после секса или сожаление покупателя. Достигнув цели своей навязчивости и внезапно сбросив груз желания, мы испытываем не удовлетворенность, а ощущение пустоты. Потому что именно этим на самом деле и является навязчивая идея: попыткой заполнить пустоту. И получение того, к чему мы вроде бы и стремились, есть освобождение от иллюзии, что достигнутый результат стоил затраченных на его достижение усилий. Шоры падают с наших глаз, и мы видим, что совершенное нами – ничто. После невероятной, даже героической борьбы сказалось бы, непреодолимым, победа за нами. Мы наконец-то сделали мечту явью, и тут выясняется, что это всего лишь большая корзина ничего.

Но, другой стороны, даже ничего, тем не менее, это что-то. То, что воспринимается нами, как ничего, скажем, пустое межзвездное пространство, на самом деле полно чем-то. Это можно называть вакуумом, или эфиром или Богом, или чем угодно, но это все равно что-то. Поэтому навязчивая идея – фатальная попытка заполнить пустоту, которая уже заполнена. И чем она заполнена? Потенциалом. И что есть потенциал? Надежда. И что есть надежда? Разновидность глупой иррациональной веры. И что есть вера? Фантазия. И что есть фантазия? Плод воображения. И что есть воображение? То, из чего, как нам представляется, мы созданы. Тогда из чего мы на самом деле созданы? Из ничего. Мы, по большей части, пустое место. Но пустое место на самом деле не пустое, просто оно наполнено тем, чего мы, по нашей глупости, не понимаем.

А еще есть часы. Часы – они очень важные. Все мое детство я слышала часы, тикающие по ночам. Это был будильник, который моя сестра ставила под кровать, но я думала, что это часы, проглоченные Крокодилом, и их тиканье предупреждало капитана Крюка, когда Крок очень уж приближался к нему. Эти часы – пример загадочности потерянных вещей. Они где-то существуют, но не находятся там, где им положено быть. И сам факт их существования где-то еще – в нашем случае, в животе Крокодила, занозой торчит в рассудке капитана Крюка. Тик-так. Единственное на свете, чего он боится – это вида собственной крови, неестественно густой и необычного цвета, а также некого обитающего в морской воде Крокодила. Как узнать время на острове? Ты находишь Крокодила и ждешь, пока часы не отобьют час.

И заметьте, верный приспешник капитана Крюка, мистер Сми, отмечает, что навязчивое крокодилово преследование – для человека честь. И еще большая честь – быть Крокодилой съеденным. Потому что в истории черным по белому написано, Крокодил – женского пола. Крокодилы очень заботятся о своих детенышах. Если б не этот факт, я бы сказала, что моя мать очень на них похожа. Большую часть времени моя мать рассказывала людям, что я – безумная. Я ей завидую, потому что она злая. Злые люди, вроде моей матери или капитана Крюка, они такие счастливые. Им нет нужды постоянно тревожиться о том, чтобы все сделать правильно. Они просто делают то, что хотят, и наслаждаются. Это хороших и добрых наказывают за их грехи. Я сама всегда была хорошей, доброй девочкой. Но чем лучше человек себя ведет, тем сильнее становится его тайное желание написать «Грязная свинья» на чужом пыльном окне. Детям, которые рождаются без лиц, следовало бы никогда не смотреть в зеркало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.